

Вернувшись к себе, Дин Тянь едва успел стереть пыль, как привезли заказанные вещи.

Поверх кирпичной лежанки — кана — постелили свежую бамбуковую циновку. Стены в комнате были гладко побелены, отчего всё жилище сразу приобрело опрятный и ухоженный вид.

Обстановка была скромной, но добротной. Посередине встал небольшой квадратный стол — Дин Тяню большего и не требовалось, — а к нему пара стульев и пара низких табуретов. На сам кан водрузили маленький столик для чаепития и два сундучка для одежды. Вот и все убранство. Вещи привезли небольшие: громоздкую мебель пришлось бы делать на заказ, да и ставить её здесь было решительно некуда — комната едва ли отличалась простором.

У стены пристроили узкий приставной столик, на котором красовались две самые простые вазы. В одну из них, за неимением цветов, Дин Тянь сунул метелку из петушиных перьев.

В бакалейной лавке эта мебель оказалась лишь потому, что шурин лавочника промышлял плотницким делом и отдавал поделки родственнику на продажу.

Всю провизию — масло, соль, соевый соус да уксус — Дин Тянь велел снести на тюремную кухню, а новенький чугунный котел пристроить к тамошней плите. Тюремщики и стражники обедали отдельно от управы: среди служек управы считалось дурной приметой делить трапезу с теми, кто возится со смертниками да колодниками.

Как-никак, казенные тюремные харчи — дело особое.

За общим столом тут собирались только тюремные стражники да сам главный тюремщик, которым по долгу службы приходилось нянчиться с арестантами.

Сюда же Дин Тянь определил припасенное зерно, вяленый окорок, яйца, сушеные овощи и небольшой бочонок квашеной капусты — щедрый подарок дядей.

Остальные пожитки он аккуратно уложил в новый сундук. Торговец услужливо насыпал туда камфоры — первого средства от зловредной моли и сырости.

После всех трудов каморку стало не узнать. Окна сияли чистотой, новые вещи радовали глаз, а в воздухе приятно пахло свежеструганным деревом и чистой побелкой.

Над каном он повесил свиток с умиротворяющим пейзажем — далекие туманные горы и вьющаяся среди них тропинка. По бокам от картины красовалось каллиграфическое двустиишие:

«К вершинам мудрости прилежание ведёт стезёй,

Безбрежно море знаний, но ученье станет ладьёй».

Для мрачной тюрьмы убранство вышло чересчур возвышенным.

Этот изящный подарок преподнес ему дядя по материнской линии. Дома все стены были заклеены простонародными лубками с пузатыми карасями, сулящими достаток, так что вешать тонкую каллиграфию было решительно некуда. Вот Дин Тянь и решил украсить ею свое казенное обиталище.

Вся утварь была сработана старыми мастерами вручную, без капли едкого лака, так что выветривать ядовитую краску не пришлось. Это Дин Тяня особенно радовало.

На столе устроилась простая масляная лампа. О восковых свечах — дорогой забаве богатеев — здесь и не слыхивали; обходились тусклыми фитилями да бамбуковыми трубочками с тлеющим трутом.

Рядом примостился скромный глиняный сервиз на шесть персон, а на маленькую жаровню Дин Тянь водрузил пузатый железный чайник.

Жаровня была хитро соединена с дымоходом кана: растопишь её под вечер — и чайку горячего попьешь, и постель к ночи прогреешь.

Умывальный таз, привезенный из родного дома, занял свое место в сенях. Весь этот уголок теперь напоминал уютную холостяцкую обитель, навевая Дин Тяню приятные думы о том, что на казенное довольствие у него грех жаловаться.

Закончив с уборкой, он отложил веник, умылся горячей водой и переоделся. Наряд выбрал неброский, из тех, что попроще: щеголять в новеньком шелке перед простыми тюремными стражниками — только зависть вызывать. Ладное платье, пусть и слегка поношенное, но чисто выстиранное — в самый раз.

Следом он принялся за прическу. То, что он наконец научился самостоятельно управляться с волосами, Дин Тянь почитал за личную победу. В эти времена к волосам относились с благоговейным трепетом, твердя завет предков: «Тело, кожа и волосы дарованы нам родителями, и вредить им — грех». Лишь когда закончился трехлетний траур по отцу, старейшина рода в семейном храме позволил Дин Тяню укоротить пряди. По меркам его прошлой жизни прическа вышла скромной — аккурат до плеч, так что собрать её в простой хвост не составляло труда.

Наведя марафет, он вышел во двор и тут же приметил Чэн Да, который то и дело поглядывал в его сторону. Тюрьма считалась местом строгим и закрытым, посторонних сюда и близко не подпускали, оттого-то у начальника и был свой тихий, скрытый от чужих глаз уголок.

— Наконец-то! — Чэн Да подскочил к нему со всей прытью. — Закончил свои хлопоты?

— Всё готово, — улыбнулся Дин Тянь. — Чего ты так суетишься?

— Как же иначе! — подмигнул Чэн Да. — Я ради твоего угощения с самого утра на одном пустом отваре сижу. Специально место в брюхе берёг!

Шутка старого приятеля пришлась Дин Тяню по душе.

— Ладно тебе, ладно. Набивай пузо сколько влезет. А коли останется чего — завернем с собой, на завтрак разогреешь.

У самых ворот они столкнулись с Линь Ци.

— Что, уже выдвигаетесь? — спросил тот.

— Ага, в трактир! — Чэн Да так сиял, словно на дворе стоял канун Нового года.

— Хорошо, вы ступайте вперед, а я мигом кликну остальных, — отозвался простодушный Линь Ци и поспешил в казармы.

Оно и верно: негоже гостям являться в трактир раньше самого хозяина.

<http://bllate.org/book/19387/1986439>